

Глава 52. Ночная охота в старшей школе

Слова Нин Чжуня, казалось, ничуть не удивили Сун Яньтина. Юноша лишь слегка вскинул брови, и в его взгляде промелькнуло мимолетное узнавание.

— Так вот как вы называете эту вещь — Магический ящик, — болезненно-бледное лицо собеседника оставалось спокойным, а глаза, вопреки истощению, светились ясным, вдумчивым блеском. — Ящик Пандоры из греческих мифов... Говорят, Зевс вручил его Пандоре, наполнив всеми мыслимыми бедствиями, чтобы она передала его Эпиметею, «крепкому задним умом». И Пандора открыла его перед мужем.

Из ящика вырвался густой черный дым, и несчетные напасти — болезни, безумие, пороки, жадность и смерть — разлетелись по миру...

Он вдруг коротко рассмеялся:

— Если подумать, сходство и впрямь пугающее.

Ли Цзяньчуань внимательно наблюдал за выражением лица и жестами юноши, пытаясь уловить хоть какую-то фальшь, но состояние Сун Яньтина и его истинное отношение к происходящему по-прежнему оставались загадкой.

Нин Чжунь же держался на удивление непринужденно. Услышав слова собеседника, он заметно расслабился и, точно во время беседы со старым другом, откинулся назад, прижавшись плечом к напарнику.

— Не возражаешь, если мы обсудим всё с самого начала? — улыбнулся доктор Нин, глядя на юношу.

— Разумеется, нет.

Сун Яньтин поджал ноги и устроился на диване. Его улыбка была живой и ясной — в ней не осталось и следа той изможденной тени, что они только что видели на экране. Он перевел взгляд с одного гостя на другого, и в его глазах заплясали озорные искорки.

— Вы любовники? Это чудесно. Я с удовольствием поделюсь историей своей любви с вами, учитель Нин.

Ли Цзяньчуань хранил молчание, стараясь стать как можно незаметнее. Профессиональная выучка позволяла ему буквально растворяться в пространстве, становясь невидимым, словно воздух.

«Кто станет обращать внимание на пустое место? — мелькнуло в его голове. — Кому есть дело до мыслей прохожего, прозрачного, точно воздух?»

Нин Чжунь встретился взглядом с Сун Яньтином.

— Ты влюбился в Цзян Юаня сразу, как только перевелся сюда?

Тот на мгновение задумался и беспечно улыбнулся:

— Пожалуй. Вскоре после моего перевода я оказал Цзян Юаню небольшую услугу. В знак благодарности он несколько раз приглашал меня на обед. Позже, заметив мои успехи в учебе, он попросил подтянуть его по предметам. Так, слово за словом, день за днем, я и влюбился. Но это была тайная страсть. Мне казалось, что он не испытывает ко мне неприязни, поэтому я решил признаться ему в день его рождения.

На лице юноши появилась мечтательная, почти сладкая улыбка.

«Неужели это просто иллюзия? — мужчина нахмурился. — Его радость кажется какой-то... неправильной, пугающе неуместной».

Нин Чжунь оставался бесстрастным. Его пальцы мерно постукивали по колену Ли Цзяньчуаня.

— Если я не ошибаюсь, вы с Цзян Юанем сидели за одной партой и жили в одной комнате здесь, в Мужском общежитии №1. Ровно в полночь, в момент наступления его дня рождения, ты вручил ему свой подарок вместе с признанием. Но Цзян Юань его не принял. Ему стало противно.

Улыбка на губах Сун Яньтина застыла. Он едва заметно повел бровью, но никак не прокомментировал слова напарника Ли.

— Ты не знал, что он презирает тебя, — продолжал доктор Нин. — Ты был новичком и не понимал скрытых правил этой школы. Вечером того дня ты не пошел в отель на его праздник. Тебя обманом заманили обратно в общежитие. И Цзян Юань отдал тебя, «мерзкого гомосексуалиста», Гао Яну и остальным.

В глубине глаз Нина вспыхнул холодный, острый блеск.

— Я изучил семьи этой пятерки. У Гао Яна отец — судья. Сам он мечтает стать адвокатом, а значит, уже сейчас мастерски находит лазейки в законах. Чжэн Фэйфань — потомственный медик, его родители — врачи. Он прекрасно знает анатомию и имеет доступ к любым препаратам, а может, и сам способен состряпать нужную отраву. Отец Лян Гуаня — художник. Сам Лян обожает фотографию, но, судя по всему, он унаследовал отцовскую тягу к кровавому и мрачному стилю. Самая известная картина его отца называется «Седьмой этаж» — на ней

изображено разможенное тело женщины, спрыгнувшей с высоты. Хо Сунмин кажется на их фоне обычным избалованным богачом. А что касается Чжан Мэнчао... у меня есть все основания полагать, что он мечтает стать суперпреступником, играющим законом и моралью как марионетками. Возможно, сначала он хотел быть великим детективом вроде Шерлока Холмса, но быстро осознал, что натура профессора Мориарти ему куда ближе.

Нин Чжунь негромко рассмеялся, и в его очках отразился мертвенно-белый свет ламп.

— Высокий интеллект, связи, возможности и полное презрение к человеческой жизни. И при этом они — пятерка лучших учеников на школьной доске почета.

Сун Яньтин продолжал улыбаться:

— Если бы вы, учитель Нин, были учеником этой школы, вряд ли кто-то другой посмел бы претендовать на звание лучшего. — Он откинулся на спинку дивана. — Вы правы. Я признался ему ранним утром семнадцатого марта. В полдень Цзян Юань прислал сообщение, попросив вернуться в комнату, чтобы «всё обсудить». Я отменил все дела и пришел. Но в комнате был не один Цзян Юань. Там ждали все пятеро. Я долго гадал, зачем нужно это крошечное помещение напротив нашей двери и почему оно всегда заперто. Той ночью я получил ответ.

Голос юноши оставался ровным, но в его глазах плескалась ненависть, густая и горячая, словно кипящая смола. Нин Чжунь нахмурился, собираясь что-то сказать, но Сун Яньтин жестом остановил его, продолжая хладнокровно вскрывать старые раны:

— Чжан Мэнчао всё спланировал. Чжэн Фэйфань приготовил состав, лишивший меня сил и голоса. Лян Гуань отвечал за съемку. Гао Ян и Хо Сунмин держали меня... А потом Цзян Юань сказал: «Ты это заслужил».

Закончив, он посмотрел на доктора и с некоторым удивлением усмехнулся:

— Всё в порядке, учитель. Вы должны понимать, я не бегу от этих воспоминаний. На самом деле я даже рад возможности рассказать об этом — просто обычно никто не хочет слушать. Я благодарен вам за внимание.

Нин Чжунь помолчал мгновение, прежде чем спросить:

— На следующий день ты обратился в полицию?

— Да, — кивнул собеседник. — Полицейские приехали быстро и отвезли меня в больницу на экспертизу.

— И каков был результат?

Юноша с улыбкой покачал головой:

— Ничего, кроме легкого разрыва. Никаких следов, ни единого волоска. С такими помощниками, как Гао Ян и Чжан Мэнчао, скрыть улики — проще простого. Но тогда я еще верил в справедливость. Я привел полицию в школу, в эту самую комнату, но здесь было пусто. За одну ночь место преступления превратилось в обычную кладовку.

Взгляд Нина оставался тяжелым:

— Улик не было. А свидетели?

Улыбка Сун Яньтина стала шире:

— Вот именно! Я не сдавался, я привел множество людей. Одноклассников, учителей, друзей из этого общежития... Все они были на дне рождения Цзян Юаня. И все они в один голос заявили полиции, что Цзян Юань и его друзья ни на минуту не покидали отель. Полиция проверила записи. В банкетных залах устройств наблюдения нет, только в коридорах. И на видео было видно, как компания входит в зал, и никто из них не выходит из здания до самого конца вечера. Камеры в школе и в общежитии тоже «не заметили» их возвращения.

— Ты проиграл, и это их разозлило, — негромко произнес Нин Чжунь. — После этого они издевались над тобой еще неделю, используя самые изощренные способы. А потом ты, вероятно, сумел сбежать, добыл какие-то косвенные улики и снова пошел в полицию.

Глаза юноши лихорадочно блеснули:

— Верно. Именно так я и поступил.

— Но Гао Ян и остальные подали встречный иск, предъявив записи, — закончил Нин.

На лице Сун Яньтина проступила мрачная усмешка:

— Не только записи. Они обвинили меня в клевете и вымогательстве. Предоставили смонтированную запись разговора, квитанции о недавних денежных переводах и несколько снимков. Меня сфотографировали в баре, где я подрабатывал, когда мне досаждал один неприятный клиент. Они подкупили его, и тот под присягой назвал меня проституткой — так они объяснили мои травмы. Более того, они подстроили всё так, что я заразился СПИДом. Это стало моим «мотивом» для шантажа: якобы мне нужны были деньги на лечение. По сравнению с моими пустыми словами, их доказательства и свидетели выглядели куда убедительнее. Мои «добрые» одноклассники даже устроили сбор средств на мое лечение, раззвонив об этом на весь интернет и пригласив прессу. Я был... крайне польщен таким вниманием.

Он тонко улыбнулся, его взгляд стал непроглядно-черным. Нин Чжунь в задумчивости опустил

глаза.

— Улики были неопровержимы, — подал голос Ли Цзяньчуань. — Но тебя не посадили. Почему?

Сун Яньтин, казалось, совсем забыл о присутствии третьего человека. Он вздрогнул, озадаченно моргнул и, быстро взяв себя в руки, ответил:

— Неужели Одноклассник Пэй так хочет видеть меня за решеткой? В то время мое душевное состояние было... нестабильным. После психиатрической экспертизы все обвинения были сняты.

Ли Цзяньчуань внимательно следил за его мимикой. Ему казалось, что какую-то важную деталь юноша намеренно обходит стороной. Слушая этот диалог, мужчина понял: Сун Яньтин вовсе не был тем хрупким существом, которым казался на первый взгляд. В нем чувствовался острый ум и пугающая твердость. И Ли не покидало ощущение: несмотря на всю свою ненависть, тот на самом деле ни во что не ставил ту жестокость, которой его подвергли. О чем он думал на самом деле?

— Прости, — искренне произнес Ли Цзяньчуань.

Как бы то ни было, они заставляли его вновь проживать этот кошмар. Им с напарником нужна была правда, но правда требовала уважения к чужой боли.

— Я хочу знать, — продолжил Ли. — Всё, что происходит в этой школе... это твоя месть?

— Происходящее здесь не имеет ко мне никакого отношения, — без колебаний отрезал Сун Яньтин. — Псы просто грызут друг друга. И тебе не нужно извиняться, Одноклассник Пэй. Скорее, это я должен сказать тебе «спасибо». Пусть и с большим опозданием.

Мужчина замер в недоумении. Но прежде чем он успел спросить, юноша поднялся. Его лицо снова стало безмятежным.

— Перерыв скоро закончится. Учитель Нин, Одноклассник Пэй, вам пора идти. А мне нужно хорошенько выспаться и набраться сил.

Нин Чжунь поднял на него взгляд:

— Тебе это действительно нужно?

Вопрос мог показаться обычным проявлением заботы, но Ли Цзяньчуань слишком хорошо знал интонации напарника. В этих словах скрывался иной, непостижимый подтекст. Сун Яньтин,

кажется, его понял. В его глазах на мгновение отразился шок, который тут же сменился предвкушением и странным восхищением. Словно примерный ученик, внимающий наставнику, он серьезно кивнул:

— Нужно.

И, улыбнувшись, добавил:

— Но пятый день всё равно наступит. Удачи нам всем, учитель Нин.

С этими словами он развернулся, открыл дверь и вышел. Ли Цзяньчуань тут же бросился следом, но коридор и комната напротив были абсолютно пусты. Сун Яньтин исчез так же внезапно, как и появился.

Ли обернулся. Нин Чжунь уже поднялся с дивана, забрал карту памяти и прихватил одну из книг со стеллажа.

— Пойдем и мы, — негромко произнес напарник. — Мы узнали достаточно.

Они выбрались через окно в коридоре и зашагали прочь от общежития.

— Брат, что ты об этом думаешь? — спросил доктор Нин.

Ли Цзяньчуань на мгновение задумался.

— Душа Сун Яньтина не так хрупка, как мы предполагали. Его сердце твердо как камень, и это поразительно. Он — безусловная жертва, тут он не солгал. Но юноша явно утаил нечто важное. Кто-то еще стоит за всем этим.

Полуденное солнце пробивалось сквозь густую листву, бросая дрожащие пятна света на лицо и плечи Нин Чжуна. Тот искоса взглянул на Ли:

— Чжоу Мушэн?

— Сун Яньтин не активировал Магический ящик, — кивнул мужчина, — он отдал его Цзян Юаню. Но Цзян Юань — человек, как и вся их пятерка. Кто же тогда стал тем монстром, которого породил Ящик? Цзян Юань и Лян Гуань уверены, что ими движет месть Чжоу Мушэна. С их умом и осторожностью они вряд ли стали бы бросаться такими обвинениями без повода. Нам нужно как можно скорее разузнать о Чжоу Мушэне. Заглянем в медпункт. У нас слишком мало зацепок. И я не верю, что Сун Яньтин с ним не связан. Когда на него ополчился весь мир, кто именно проводил ту самую психиатрическую экспертизу?

Нин Чжунь кивнул:

— Ты прав. В этой игре нет четких загадок, но она не так сложна, как кажется. Мы нащупали нить, нужно просто идти по ней.

Разговаривая, они свернули с тихих тропинок на главную аллею. Время отдыха подошло к концу, и ученики потянулись из общежитий в сторону восточного стадиона. Тишина кампуса вновь сменилась многоголосым гулом. Ли Цзяньчуань незаметно влился в толпу.

— Мне вдруг стало противно, — раздался рядом холодный голос Нин Чжуна.

Ли Цзяньчуань помолчал, а затем осторожно сжал его запястье.

— Я вспомнил одну фразу, — тихо произнес он. — Семь вещей, которые губят человека: политика без принципов, удовольствие без совести, богатство без труда, знание без характера, бизнес без морали, наука без гуманности и поклонение без жертвенности.

Голос Ли звучал негромко и размеренно, принося с собой странное успокоение.

— И ни в одном из этих пунктов нет ни слова про ящик.

Он прищурился, глядя на залитый ослепительным солнцем стадион. Застывшее под его пальцами запястье Нин Чжуна медленно расслабилось. Тонкая ладонь перевернулась, и прохладные, сухие пальцы, на ощупь напоминающие гладкий нефрит, в ответ обхватили палец Ли Цзяньчуаня.

Мужчина улыбнулся и повел Нина к строю на стадионе. Он понимал: напарник видел столько мерзости и вскрыл столько черных сердец, что вряд ли его можно было чем-то удивить. Ли не собирался закрывать ему глаза, но он мог хотя бы согреть его своим присутствием.

«Почему-то в моих глазах он всегда кажется одновременно несокрушимо твердым и невообразимо хрупким».

***

Дневным мероприятием для всей школы, как и ожидалось, оказался пинг-понг. Однако после того как директор объявил о начале, Лян Гуань сделал нечто неожиданное: он собрал вокруг себя десяток человек, формируя настоящую сборную команду, словно для баскетбола.

— Сообразительный, — лаконично оценил Нин Чжунь, вскинув бровь.

Ли Цзяньчуань на мгновение задумался, прежде чем осознать план Лян Гуаня. Вчера тот обещал Цзян Юаню найти выход, и теперь приступил к делу.

И действительно, когда к вечеру игра закончилась и пришло время награждения, Лян Гуань повел себя иначе, чем Гао Ян или Чжэн Фэйфань. Он не стал подниматься на сцену один. Вместе с пятью друзьями он принял черный ящик под восторженные крики толпы. Окруженный соратниками, он с триумфом унес приз.

Когда толпа начала рассеиваться, Нин Чжунь утянул Ли Цзяньчуаня в общественный туалет и, прислонившись к его спине, прошептал:

— Нужно проследить за Лян Гуанем. Чувствую, нас ждет сюрприз.

Ли и сам собирался это сделать. Избегая основного потока учеников, направлявшихся в столовую, они осторожно двинулись за целью, петляя по самым укромным уголкам кампуса. К счастью, у Ляна явно были свои планы — он и не думал идти на ужин. Юноша забирался всё дальше в глушь, постепенно расставаясь с друзьями, пока не остался наедине с неким очкариком. Обняв того за плечи, он направился к заброшенной роще на окраине школы.

Ли Цзяньчуань следовал за ними на расстоянии, скрываясь в густых тенях. На краю рощи стоял старый заброшенный туалет — именно туда и держал путь Лян Гуань. Вечерний ветер доносил обрывки их разговора. Ли прислушался: Лян называл спутника «Сунмином». Вероятно, это был Хо Сунмин, последний из их пятерки.

Дружески перешучиваясь, они скрылись в ветхом строении. Вокруг туалета буйно разрослись сорняки и деревья — идеальное место для засады. К тому же, в таких старых постройках крыша часто закрывала лишь половину помещения для лучшей вентиляции. Это значило, что если залезть на подходящую березу, можно будет увидеть всё, что происходит внутри.

Ли присмотрел дерево с удачным ракурсом и уже собирался посадить Нина, как вдруг уловил едва слышный шорох. Он мгновенно прижал Нин Чжуня к земле, заставляя обоих пригнуться. Нин вопросительно поднял взгляд. Ли разжал его ладонь и быстро начертил на ней два слова:

«Здесь кто-то есть».

Не успела щекотка от пальца Ли исчезнуть, как Нин Чжунь, проследив за его взглядом, увидел высокую худощавую фигуру, медленно пробирающуюся сквозь рощу. Силуэт приближался. Ли Цзяньчуань, наметанным глазом оценив походку и неосознанные привычки незнакомца, мгновенно вынес вердикт: перед ними был еще один игрок.